

Послемрак

Автор:

Харуки Мураками

Послемрак

Харуки Мураками

Разные люди бродят в разные стороны. Одни куда-то идут, другие никуда особо не торопятся. У одних есть цель, у других цели нет. Одни умоляют время задержаться подольше – другие подталкивают его в спину, лишь бы бежало еще быстрее. Но когда уходят последние электрички, в этих местах наступает очень странное время. Совсем не то, что мы называем ночью... Наше терпение иссякает. Мы больше не можем пассивно разглядывать то, что показывает телевизор. Мы хотим проверить все сами.

Харуки Мураками

Послемрак

Haruki Murakami

AFTER DARK

Copyright © Haruki Murakami 2004

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

1 pt

Под нами – огромный город.

Мы видим его с высоты птичьего полета. Отсюда город напоминает огромный живой организм. Или даже несколько организмов, сплетенных в единое тело. Кровь без усталости циркулирует по бесчисленным сосудам, и тело постоянно меняет клетки. Рассылает свежую информацию, стирает устаревшие данные. Расходует новые деньги, списывает старые траты. Строит новый порядок, отменяет старый уклад. Переливаясь, вспыхивая и подрагивая в мерном пульсе своих артерий. Ближе к полуночи, хотя пик активности уже миновал, метаболические процессы, дарящие городу жизнь, не прекращаются ни на секунду. Как и его низкочастотный гул. Тоскливый, монотонный гул от предчувствия чего-то непостижимого.

Наши глаза устремляются туда, где светлее. Мы прицеливаемся – и бесшумно приземляемся в нужной точке. Пестрое море огней. Вокруг нас – «ханкагай», модный квартал для вечерних прогулок. Гигантские цифровые экраны на стенах ближе к полуночи уже спят, но динамики у дверей заведений еще колотят прохожих по головам натужным ритмом хип-хопа. Огромный центр игровых автоматов, забитый молодежью всех мастей. Резкая электронная музыка. Студенты расползаются стайками с вечеринок. Крашенные под блондинок пигалицы перебирают мускулистыми ногами под юбочками ультра-мини. Салариманы[1 - Салариман (яп. производное от псевдоангл. salary-man) – «человек на зарплате», клерк. – Здесь и далее – прим. переводчика.] спешат по «зебре» на последнюю электричку. Несмотря на поздний час, галдят на всю улицу зазывалы из караоке. Черный микроавтобус, обвешанный яркой рекламой, медленно катит по улице, словно контролируя цены и качество окружающих товаров и услуг. Окна затянуты черной пленкой. Больше всего он смахивает на глубоководную рептилию с особыми кожей и жабрами. Два молоденьких полисмена с напряженным видом расхаживают по одной улице в разные стороны, однако почти не находят объектов, достойных внимания.

В это время суток город действует по своим законам. Время года – конец осени. Ветра нет, но прохладно. Еще немного – и сменится дата в календаре.

Мы – в ресторанчике «Денниз».

Освещение здесь сильнее, чем следует, хотя разглядывать особо нечего. Безликие посуда и интерьер. Планировка зала, до последнего уголка просчитанная экономистами. Беззубая фоновая музыка, едва различимая в динамиках. Вышколенные официанты. «Добро пожаловать в «Денниз». Куда ни глянь – все заведение будто собрано из одинаковых безымянных кубиков, которые можно переставлять как угодно с равным успехом. В ресторанчике людно, свободных мест почти нет.

Мы обводим взглядом зал и останавливаемся на девушке, сидящей за столиком у окна. Почему на ней? Почему не на ком-то другом? Этого мы не знаем. Но все же она попадает в наше поле зрения – очень естественно. Сидит одна за столиком для четверых и читает книгу. Серая футболка с капюшоном, джинсы, поблекшие стоптанные кроссовки. Со спинки соседнего стула свисает спортивный джемпер. Тоже не новый. Его хозяйка похожа на первокурсницу какого-нибудь вуза. Уже не старшеклассница, хотя в движениях еще сквозит детская угловатость. Волосы черные, короткие, прямые. Минимум косметики, никакой бижутерии. Точеное маленькое лицо. Темно-зеленые очки. Меж бровей иногда проступает строгая морщинка.

Читает она очень усердно. От текста почти не отрывается. Толстый фолиант в твердом переплете, название скрыто оберткой книжного магазина. Судя по ее сосредоточенному лицу, книжка должна быть очень трагичной. Глаза девушки по страницам не скачут, считывают строку за строкой.

На столике перед девушкой – кофейная чашка. Пепельница. Темно-синяя бейсбольная кепка. С латинской «В» – эмблемой «Boston Red Socks». Кепка ей, похоже, великовата. На стуле рядом – коричневая кожаная сумка. Набита очень странно. Так собираются впопыхах, забрасывая в сумку все, что вспоминают в последнюю минуту. Время от времени девушка берет чашку и подносит к губам, но не похоже, чтобы ей нравился кофе. Скорее она пьет его по обязанности, поскольку чашка перед нею стоит. Будто вспомнив о чем-то, девушка закуривает от пластмассовой зажигалки. Затянувшись, прищуривается, очень естественно выпускает в потолок струйку дыма, кладет сигарету на край пепельницы и, словно отгоняя начинающуюся мигрень, кончиками пальцев поглаживает виски.

По залу растекается едва различимая «Go Away Little Girl» в аранжировке оркестра Перси Фэйта. Слушать такое, понятно, никому и в голову не приходит. Самые разные люди едят и пьют кофе в полуночном «Денниз», но одиноко сидящих девушек, кроме нее, не видно. Иногда она отвлекается от книги, глядит на часы. Но время, вопреки ее желаниям, не торопится. При этом не похоже, чтобы она кого-то ждала. Не обыскивает взглядом зал, не посматривает на двери. Просто читает книгу, иногда курит, механически отпивает кофе – и ждет, когда время побежит хоть немного быстрее. А до рассвета, что там говорить, еще далеко.

Девушка отрывается от книги и смотрит в окно. Со второго этажа видна оживленная улица. Несмотря на позднее время, там довольно светло, и разные люди бродят в разные стороны. Одни куда-то идут, другие никуда особо не торопятся. У одних есть цель, у других цели нет. Одни умоляют время задержаться подольше – другие подталкивают его в спину, лишь бы оно бежало еще быстрее. Наглядевшись на уличный хаос, девушка вздыхает, погружается в книгу. Протягивает руку к чашке с кофе. Сигарета, которой она затянулась раза три, оседает в пепельнице ровным столбиком пепла.

Стеклянная дверь автоматически открывается, в ресторанчик входит высокий и тощий молодой человек. Черное пальто из кожи, мешковатые оливковые штаны, коричневые рабочие ботинки. Длинные волосы торчат в разные стороны. Возможно, он уже несколько дней не мыл голову. А может, только что выбрался из какого-нибудь подземелья. Не исключаем также, что ходить лохматым – его обычное состояние. Стройный, хотя и не красавчик – скорее из тех, кому говорят: «Вы плохо питаетесь». С плеча свисает большой черный футляр музыкального инструмента. Судя по всему, духового. В руке – замызганная папка для бумаг. Очевидно, с нотами и прочей студенческой дребеденью. На правой щеке глубокий шрам. Короткий и рваный, будто щеку проткнули какой-то пикой. Больше, пожалуй, ничего примечательного. Обычный парень, каких тысячи. Похож на бродячего пса – покладистого, но сбившегося с пути, а потому немного безумного.

Официантка подводит его к свободному столику. Парень проходит мимо читающей девушки. Уже миновав ее, вдруг останавливается – и медленно возвращается, как на киноплёнке, пущенной назад. Остановившись напротив девушки, склоняет голову набок и с интересом вглядывается в ее лицо. Пытается вспомнить, но сразу не может. Есть такая порода людей: за что ни

возьмутся, сразу не получается ничего.

Уловив, что происходит, девушка поднимает голову и, прищурившись, поворачивается к нему. Росту парень немалого – она задирает голову. Их взгляды встречаются, и парень улыбается. Широко и дружелюбно.

– Эй. Прости, если ошибаюсь, – говорит он. – Но ты случайно не младшая сестра Эри Асаи?

Она молчит. И смотрит на него, как на куст бурьяна в уголке аккуратного сада.

– Мы раньше встречались, не помнишь? – продолжает парень. – Э-э... Тебя, кажется, зовут Юри? Вы с сестрой первыми буквами различаетесь.

Слегка насторожившись, девушка решительно восстанавливает Истину:

– Мари.

Парень тычет пальцем в потолок:

– Ну да, точно. Мари... Эри и Мари. Только первые буквы разные. А меня ты, наверное, не помнишь?

Мари чуть склоняет голову. То ли да, то ли нет – бог разберет. Снимает очки, кладет рядом с чашкой. Подходит официантка, спрашивает:

– Вы вместе?

– Да-да, – отвечает он.

Официантка выкладывает на стол меню. Парень усаживается напротив Мари, ставит футляр на соседний стул. И, будто спохватившись, спрашивает у девушки:

– Ничего, если я здесь немного посижу? А как поем, сразу по делам побегу...

Мари чуть заметно сдвигает брови:

– Разве такое спрашивают не до того, как садиться?

Парень задумывается:

– Ты кого-то ждешь?

– Я не об этом, – отвечает Мари.

– А-а. Так ты о приличиях?

– Вот-вот...

Парень кивает:

– Да, в самом деле... Надо было сразу спросить. Виноват! Но все равно вокруг народу полно, а я убегаю скоро... Не возражаешь?

Мари слегка поводит плечом. Мол, делай как хочешь. Парень раскрывает меню.

– Ты уже поела?

– Я не голодна.

С крайне замысловатым выражением лица он изучает меню от корки до корки, потом захлопывает и кладет на стол.

– На самом деле раскрывать меню смысла не было. Я просто делал вид, что читаю...

Мари не отвечает.

– Я здесь ем только салат с курицей. Давно так решил. Уж поверь мне на слово: кроме куриного салата, в «Денниз» есть ничего не стоит. Все, что в меню, я уже

перепробовал. Ты когда-нибудь ела здесь куриный салат?

Мари качает головой.

– Совсем неплохой. Салат с курицей – и хорошенько прожаренные тосты. Кроме этого, в «Денниз» есть абсолютно нечего.

– Зачем же так долго копаться в меню?

Он растирает пальцами морщинки у глаз:

– Ну подумай сама. Приходишь в «Денниз» и, даже меню не раскрыв – бабах! – заказываешь куриный салат. Какая тоска, тебе не кажется? Эдак, не дай бог, получится, что ты подседа на «Денниз» из-за того, что жить не можешь без куриных салатов? Вот поэтому я открываю меню, а потом делаю вид, что внимательно все прочитал и выбрал куриный салат.

Официантка приносит воды, и он заказывает салат с курицей и хорошо прожаренные тосты.

– Только хороше-енько прожаренные, ладно? – подчеркивает он. – Чтобы только чуть-чуть недообугленные. И кофе после еды.

Официантка вбивает заказ в машинку на ладони и для проверки зачитывает вслух.

– Да, и еще вот сюда добавки... Наверное, – добавляет парень, тыча пальцем в чашку Мари.

– Непременно. Сейчас принесу.

Официантка уходит, парень провожает ее взглядом.

– Ты не любишь курицу? – спрашивает он.

– Не в этом дело, – отвечает Мари. – Но в ресторанах стараюсь курицу не заказывать.

– Почему?

– Ресторанных куриц чем только не пичкают. Гормоны роста и все такое. Этих кур разводят в тесных, темных курятниках, всю жизнь колют им что ни попадя и кормят всякой химией, а потом сажают на ленточный конвейер и механическим топором отрубают голову и крылья.

– Вау! – восклицает парень. И улыбается. Морщинки у глаз становятся резче. – Куриный салат «Джордж Оруэлл».

Мари, прищурившись, смотрит на него. Но не может решить, поддразнивают ее или нет.

– Но как бы там ни было, салат с курицей здесь и правда лучше всего. Я не вру.

С этими словами парень стягивает кожаное пальто, складывает пополам и вешает на спинку стула. Положив руки на стол, азартно потирает ладони. Сняв пальто, он остается в грубом свитере с круглым вырезом. Зеленые нитки топорщатся кустиками, как и волосы на голове. Обычный паренек из толпы: пройдешь мимо – и не заметишь.

– А встречались мы с тобой в бассейне какого-то отеля на Синагаве. Года два назад, летом. Не помнишь?

– Смутно.

– Нас там четверо было. Мой друг, вы с сестрой, ну и я в придачу. Мы только в универ поступили. А ты еще, помню, в школу ходила... Правильно?

Мари кивает без особого интереса.

– Мой друг тогда за твоей сестрой ухлестывал. Ну и устроил нам «свидание вслепую». Раздобыл где-то пригласительные в бассейн крутого отеля, четыре штуки. А твоя сестра тебя позвала. Но ты не разговаривала почти, все в бассейне

плескалась, как дельфиненок в океанариуме... А потом мы все пошли в чайную – там же, в отеле – и ели мороженое. Ты еще заказала персиковую «мелбу»...

Мари недовольно хмурится:

– С чего ты вдруг помнишь такие мелочи?

– Просто еще никогда не ходил на свидание с девчонкой, которая любит «мелбу». Ну и вообще ты классно выглядела.

Мари без единой эмоции смотрит парню в лицо:

– Врешь. Ты только и делал, что пялился на мою сестру.

– Разве?

Мари отвечает молчанием.

– Впрочем, может, и так... – допускает он. – Не зря же я запомнил ее бикини.

Мари достает из пачки сигарету и закуривает.

– Знаешь, – говорит он. – Я, конечно, не защищаю «Денниз». Но даже куриный салат, в котором, возможно, до чертиков всякой дряни, все-таки здоровее, чем никотиновая смола. Тебе не кажется?

Мари пропускает это мимо ушей.

– Тогда вместо меня должна была другая прийти, – говорит она. – Но в последний момент не заладилось, вот и заставили идти меня. Чтобы поровну было.

– Выходит, не вовремя встретились...

– Но я тебя помню.

– Что, правда?

Глядя на него, Мари проводит пальцами по своей щеке. Он трогает шрам на своей.

– Ах, это... Это я, когда маленький был, с велосипеда упал. Разогнался под горку, да свернуть не успел. Еще мочку уха порвал. Показать?

Мари, насупившись, качает головой.

Официантка приносит куриный салат и тосты. Подливает в чашку Мари свежего кофе. Проверяет, весь ли заказ выполнен.

Парень вооружается вилкой и ножом, пробует салат. Затем берет в руку тост, подносит к глазам, разглядывает. И недовольно хмурится.

– Сколько ни напоминай, чтобы жарили хорошенько, – все без толку! Просто в голове не укладывается! Почему японцы с их усердием, высокими технологиями и супермаркетингом даже в «Денниз» не могут поджарить тосты, как их попросили? Ничего ведь сложного, ты согласна? Но сколько ни бейся, не получается никогда. Чего стоит цивилизация, которая даже тоста прожарить не в состоянии?

Мари явно думает о своем.

– А сестра твоя и правда была красавица, – говорит он будто бы сам себе.

Мари поднимает голову:

– Почему ты говоришь в прошедшем времени?

– Почему?.. Ну просто потому, что вспоминаю прошлое. Я же не в том смысле, будто теперь она уже некрасивая.

– По-моему, она и сейчас красивая.

- Ну и отлично. Я ведь, если честно, толком ее и не знал. Эри Асаи... В старших классах проучился с ней год, но практически не общался. Точнее, она со мной не заговаривала.

- Но тебе она интересна - так или нет?

Парень нацеливает вилку и нож в потолок и задумывается.

- Да тут не то чтобы интерес... Как бы лучше сказать... Ментальная жажда, пожалуй, будет точнее.

- Ментальная жажда?

- Ну мне же любопытно, что я почувствую, если выманю на свидание такую девчонку, как Эри Асаи. Вот примерно так, и не больше. Все-таки вылитая фотомодель...

- Так это и есть «ментальная жажда»?

- Одно из ее проявлений.

- Но тогда ее выманил твой друг, а ты оказался в нагрузку, верно?

Парень кивает с набитым ртом. Не спеша прожевывает все, что влезло.

- Я, видишь ли, по жизни играю вторые роли, - говорит он чуть погодя. - Огни рампы не по мне.

- Поэтому тебя и выбрали для встречи со мной.

- Ну и что? Ты тоже была... ничего себе.

- Эй. У тебя что, привычка обо всех в прошедшем говорить?

Он улыбается:

– Да нет. Просто я искренне, с сегодняшней точки зрения, рассказываю о том, что пережил когда-то. Очень милое воспоминание. Правда. Хотя ты со мной почти и не разговаривала...

Он кладет вилку и нож на тарелку, отпивает воды, вытирает губы салфеткой.

– Вот я и спросил у Эри, пока ты плавала. Отчего, мол, у тебя такая неразговорчивая сестра? Или, может, со мной что не так?

– И что же она ответила?

– Сказала, что ты обычно ни с кем не заговариваешь первой. Что, хоть и японка, по-китайски говоришь чаще, чем на родном языке. Дескать, мне волноваться не о чем. И, по крайней мере на первый взгляд, во мне она особых странностей не замечает.

Мари молча гасит окурок в пепельнице.

– Значит, дело не во мне?

Мари ненадолго задумывается:

– Я не помню подробностей... Но, кажется, не в тебе.

– Ну слава богу. А то я все успокоиться не мог. Конечно, у меня тоже найдется пара-тройка проблем, но... Поскольку это внутренние проблемы, я стараюсь не выставлять их на обозрение. Тем более – летом, в бассейне.

Словно желая что-то проверить, Мари снова вглядывается в его лицо:

– По-моему, «внутренних проблем» я в тебе тоже не заметила.

– Ну просто гора с плеч...

– Вот только имя забыла, – добавляет Мари.

– Мое?

– Ага.

Он качает головой:

– Ну забыла – и ладно, мне-то что. Обычное имя, каких пруд пруди. Самому иногда забыть охота. Но собственное имя, к сожалению, так просто не забывается. Отчего мы постоянно забываем только чужие имена – даже те, которые должны помнить обязательно?

Будто выискивая что-то безнадежно утраченное, парень оглядывает улицу за окном. И опять переводит взгляд на Мари:

– И знаешь, я все время удивлялся: почему твоя сестра тогда ни разу не искупалась? Вроде и день был жаркий, и бассейн – высший класс...

«А я почему знаю?» – написано на лице у Мари.

– Да просто не хотела смывать косметику, – говорит она. – Обычное дело. Вот и бикини, как у нее, тоже не для того, чтобы плавать.

– Вон как? – удивляется он. – Смотри-ка... Вроде сестры, а жизни такие разные.

– У каждой своя, чего удивляться.

Он обдумывает ее слова, затем говорит:

– А почему мы все начинаем так жить – каждый своей жизнью? Ну то есть... вот, скажем, вы. Родились от одних родителей, росли в одной семье, обе девочки. Откуда же появились два настолько разных характера? Значит, была какая-то развилка на вашем пути? Одна в бикини чуть крупнее сигнального флажка нежится в шезлонге, соблазняя весь белый свет. А другая в школьном купальнике устраивает заплывы с дельфинами наперегонки...

Мари заглядывает ему в глаза:

– И ты хочешь, чтобы я на все это ответила за пару минут? Пока ты доедаешь свой куриный салат?

Он качает головой:

– Нет-нет, я не в этом смысле. Просто озвучил то, что вертелось в голове. На это отвечать не обязательно. Это все так... Вопросы к себе самому.

Вернувшись было к салату, он вспоминает о чем-то и продолжает:

– У меня самого – ни сестер, ни братьев. Вот и хочу понять, как все устроено. До каких пор братья-сестры похожи, а с каких пор – совсем разные?

Мари молчит. Парень, сжимая в руках нож и вилку, задумчиво смотрит в пространство перед собой.

– Читал я как-то одну историю, – говорит он. – О трех братьях, которых вынесло на какой-то гавайский остров... Вообще говоря, это миф. Очень древний. Читал я его в детстве, подробностей не помню. Но в целом звучит примерно так. Три брата отправились на лодке порыбачить, тут налетел шторм, их долго мотало по морю, пока не выкинуло на необитаемый остров. Очень красивый – всюду пальмы, бананы с кокосами, а в самом центре громоздится высоченная гора. В первую же ночь к каждому из братьев явился во сне Господь и сказал: «Пройдете по берегу еще немного – увидите три больших круглых камня. Пусть выберет каждый из вас по камню и покатит его куда захочет. Где остановится – там и будет его место для жизни. Чем выше закаташь свой камень – тем больший мир откроется перед тобой. Но где остановиться на этом пути – решаешь только ты сам».

Парень отпивает воды из стакана, переводит дух. Мари по-прежнему делает вид, что ей скучно, но слушает внимательно.

– Пока все понятно?

Мари легонько кивает.

– Дальше рассказывать? Если неинтересно – не буду.

– Если недолго.

– Да нет, совсем недолго. Очень простая история...

Он делает еще глоток и продолжает:

– Как и сказал Господь, братья нашли на берегу три здоровенных валуна. И покатали перед собой, как велено, каждый по камню. Камни были огромными и тяжелыми, еле сдвинешь, а в гору катить – суший ад. Вскоре самый младший брат подал голос: «Братья! Вы как хотите, а мне и здесь хорошо. Море близко, рыбу можно ловить. Значит, уже не помру. Чего я в этом мире не видел? И без него проживу как-нибудь!» Сказал это младший брат и остановился. А старшие покатали свои камни дальше. Но когда они добрались до середины горы, средний брат подал голос: «Знаешь, брат, а здесь неплохо! – сказал он. – Фрукты-овощи кругом, живи не хочу! А что края света отсюда не видать – так это пускай. И того, что видно, на мой век хватит». И вот уже только старший брат катил камень вверх по склону. Путь его становился все ужже и круче, но он не сдавался. Уж очень был терпелив, да и мира хотел увидеть побольше. И все толкал в гору свой камень, не жалея сил. Несколько месяцев он двигался так почти без воды и пищи – и закатил-таки свой валун на самую вершину горы. Там, на вершине, он остановился и оторвал руки от камня. И увидел мир – такой огромный, каким его не видел еще никто. Здесь ему суждено было жить. Голые камни без единой травинки и облака, до которых не долетали птицы. Вместо воды ему достались только лед да туман, вместо пищи – мох меж камнями. Но старший брат ни о чем не жалел. Ведь главное у него теперь было – свобода смотреть на мир... И потому на этом гавайском острове, на самой вершине горы и сейчас стоит большой круглый камень. Вот такая история.

Молчание.

– И что же? – спрашивает Мари. – Какая у этой истории мораль?

– Морали здесь, наверное, целых две. Во-первых, – поднимает он палец, – одинаковых людей не бывает. Будь они даже кровные братья. А во-вторых... – Тут он поднял два пальца. – Если очень сильно хочешь что-то узнать, плати свою цену.

– По-моему, младшие братья выбрали себе куда более человеческую жизнь, – считает Мари.

– Да уж, пожалуй, – кивает парень. – Какой нормальный человек захочет лизать лед и глодать мох на Гавайях? Дураков нет. Но старший так жаждал увидеть в этом мире побольше, что просто не мог остановиться. Какую бы цену ни пришлось за это платить...

– «Ментальная жажда»?

– Вот именно.

Мари о чем-то задумывается. Ее ладонь прикрывает книгу.

– Даже если я вежливо спрошу, что за книга, – ты все равно не скажешь, верно? – уточняет он.

– Наверяд ли.

– Увесистый томик...

Мари молчит.

– Прямо скажем, не для дамских сумочек.

Мари по-прежнему не отвечает. Он вздыхает и наконец доедает куриный салат, ни слова не говоря. Долго жует, запивая большими глотками воды. Пару раз просит официантку подлить еще. И доедает тосты – все до последнего ломтика.

– А жила ты, по-моему, где-то в Хиёси? – спрашивает парень. Его пустую тарелку уже забрали.

Мари кивает.

- Так ты же на последний поезд не успеваешь! Остается такси ловить. Больше ни одной электрички до утра!

- Я в курсе, - говорит Мари.

- Ну тогда ладно...

- Не знаю, куда нужно тебе, но твои электрички тоже заснули, верно?

- Мне в Коэндзи. Но я живу один, да еще репетировать всю ночь, себя не помня... А на крайний случай машина есть. Всей нашей банды.

Он легонько похлопывает по футляру. Так, словно треплет по загривку любимую собаку.

- Мы тут репетируем неподалеку, - поясняет он. - В одном подвале. Греми сколько хочешь - никто не пожалуется. Отопления, правда, почти никакого, ближе к зиме замерзаем, конечно. Но зато место бесплатное, так что грех жаловаться...

Мари бросает взгляд на черный футляр.

- Это что? Тромбон?

- Он самый. Смотри-ка, разбираешься, - слегка удивляется он.

- Ну, уж тромбон-то узнать нетрудно.

- Да, но... Столько девчонок на свете о тромбоне вообще не слышали. Хотя тут, конечно, ничего не поделаешь. Ни Мик Джаггер, ни Эрик Клэптон не играли на тромбоне, чтобы выбиться в звезды. Ты когда-нибудь слышала, чтобы Джими Хендрикс или Пит Таунсенд крушили о сцену тромбон? Не-ет! Все как один крушили электрогитары. За раскуроченный тромбон их бы просто на смех подняли...

- Тогда почему ты себе выбрал тромбон?

Парень подвигает к себе чашку с кофе, выливает в нее сливки, отпивает глоток.

– Еще старшекласником купил в одном магазинчике подержанную пластинку. «Blues-ette» называлась.

Жутко старый винил. Зачем купил, уже и не помню. До тех пор я джаза толком не слушал... Ну, в общем, была там одна композиция – первая вещь на стороне «А» – «Five Spot After Dark». Ох, и здорово меня вставила! На тромбоне играл Кёртис Фуллер. В первый же раз, как прослушал, будто пелена с глаз упала. Сразу подумал: вот он, мой инструмент! Я и тромбон. Встреча по жизни...

Он напевает первые восемь тактов «Five Spot After Dark».

– Эту вещь я знаю, – говорит Мари. Парень изумленно таращится на нее:

– Знаешь?!

Мари напевает еще восемь тактов «Five Spot After Dark».

– Откуда ты это знаешь?

– А что, уже и знать нельзя?

Парень ставит чашку на стол и пожимает плечами:

– Да нет, почему же... Просто не верится как-то. Что сегодня есть девушки, которые знают «Five Spot After Dark»... Ну да ладно. В общем, так меня этот Кёртис Фуллер заворожил, что я решил заняться тромбоном. Одолжил денег у предков, купил подержанный, записался в секцию духовых – так со школьных лет и играю в банде. Поначалу, правда, это больше была рок-банда.

Где-то в стиле доброй старой «Тауэр оф Пауэр». Ты когда-нибудь слышала «Тауэр оф Пауэр»?

Мари качает головой.

- Неважно, – продолжает он. – Это было давно, а теперь мы играем самый обычный джаз. Универ у нас, конечно, не ахти какой, но приличная банда есть.

Подходит официантка, предлагает еще воды. Он отказывается. Смотрит на часы.

- Ну, мне пора. Скоро пойду.

Мари молчит. «Кто ж тебя останавливает», – написано у нее на лице.

- Хотя... Все равно все опоздают, – добавляет он. Мари оставляет это без комментариев.

- Слушай, а ты могла бы передать сестре от меня привет?

- Это уж ты сам ей звони. Телефон-то помнишь? Какой привет, если я даже имени твоего не знаю?

Он ненадолго задумывается.

- Легко сказать... Вот я звоню, трубку берет Эри Асаи. О чем мне с ней говорить?

- Не знаю. О школе, например. Уж придумаешь, о чем.

- Да я вообще-то не мастер девчонок убалтывать...

- Но со мной ты о чем только не болтал.

- Ну, с тобой... как-то само получается.

- Со мной как-то само получается? – передразнивает Мари. – А с моей сестрой – бесполезно?

- С ней – вряд ли.

- «Ментальная жажда» мешает?

«Может быть...» – словно хочет ответить он, но молчит. Лишь глубоко вздыхает, берет со стола счет и прикидывает, сколько должен.

– Вот деньги за мою долю... Отдашь потом, ладно?

Мари кивает.

Он смотрит на нее, потом на книгу. И, чуть помедлив, добавляет:

– Ты прости – наверное, не мое дело, но... У тебя точно ничего не случилось? Может, с бойфрендом не поладила или с предками поругалась, нет? С чего бы иначе ты здесь сидела одна до утра?

Мари надевает очки и смотрит ему в лицо – молча, пристально, холодно.

Парень поднимает руки. Сдаюсь, мол. Извини за лишние вопросы.

– Я, наверное, еще забегу сюда утром, часиков в пять, – говорит он. – Когда снова проголодаюсь. Буду рад еще встретиться.

– Это с чего бы?

– Ну, не знаю...

– За меня беспокоишься?

– Есть немного.

– Или надеешься, что я сестре привет передам?

– Ну... может, и так тоже.

– Моя сестрица тромбона от микроволновки не отличит. Хотя где «Прада», а где «Гуччи», разбирает с первого взгляда.

– Что ж, – улыбается он. – У каждого свое поле боя...

Он достает из кармана пальто блокнот, что-то пишет в нем ручкой, вырывает страницу и передает ей.

– Мой мобильный. Если что, звони... Да, а у тебя есть мобильник?

Мари качает головой.

– Так я и думал. – Он с интересом смотрит на нее. – Как только тебя увидел, точно голос какой-то в голове прошептал: «Эта девчонка терпеть не может мобильных»...

Он берет футляр, встает со стула, накидывает пальто. Еще слегка улыбается.

– Ну, пока?

Мари бесстрастно кивает. Даже не глянув, кладет листок с телефоном на столик вместе со счетом. Глубоко вздыхает – и, подперев щеку ладонью, погружается в книгу. По залу еле слышно растекается «April Fool» Бёрта Баккары.

2 рт

Темная комната. Понемногу наши глаза свыкаются с мраком. Мы различаем кровать, в постели спит женщина. Молодая и красивая – старшая сестра Мари. Эри Асаи. Почему-то мы знаем: это она. Черные волосы расплескались волной на подушке.

Мы подсматриваем за ней. Наш взгляд, превратившись в объектив кинокамеры, может перемещаться по комнате куда угодно. Сейчас он замирает прямо над спящей: мы изучаем ее лицо. С каждым движением век меняем угол зрения. Ее маленькие строгие губы сомкнуты и неподвижны. Поначалу дыхания не заметно. Лишь присмотревшись, можно уловить, как подрагивает горло у самых ключиц. Дышит. Затылок впечатан в подушку – так, словно девушка разглядывает потолок. Хотя на самом деле Эри не смотрит никуда. Веки сомкнуты плотно, будто кожа на почках зимних деревьев. Она спит очень крепко – скорее всего, даже не видит сны.

Чем дольше мы глядим на Эри Асаи, тем сильнее ощущаем в ней что-то странное. Что-то слишком завершенное и безупречное. Ни мускул, ни ресница не дрогнут на этом лице. Тонкая, будто лепная шея абсолютно недвижна. Маленький подбородок застыл под острым углом, точно утес на морском берегу... Как бы крепко ни спал человек, настолько глубоко в свои сны он обычно не погружается. И до полной потери сознания не доходит.

Однако в сознании эта женщина или нет, – механизмы поддержания ее жизни работают безупречно. Пульс и дыхание замедлены до необходимого минимума. Как если бы она существовала на узкой грани между органикой и неорганикой. Отчего же она впала в такое состояние? Этому нам знать пока не дано. Словно залитая в теплый воск, Эри Асаи пребывает в крепком, глубоком, концентрированном сне. То, чему нет места в живой природе, покоится с нею там же. Вот все, что мы понимаем прямо сейчас.

Камера медленно отъезжает, захватывая всю комнату целиком. Словно прося поддержки у неведомых ассистентов, пытается переключиться на детали. Комната, однако же, никак не оформлена: ни привычек, ни характера хозяйки по внешнему виду ее жилища не распознать. На первый взгляд непонятно даже, что это комната молодой женщины. Ни игрушек, ни вышивки, ни бижутерии – ничего подобного; ни плакатов, ни календарей. Лишь низкий старый деревянный столик у окна да стул на колесиках. Окно скрывают жалюзи. На столе – простая черная лампа и ноутбук новейшей модели (крышка закрыта). В карандашнице – несколько ручек и карандашей.

У стены стоит односпальная кровать, на ней и спит Эри Асаи. Простенький белый пододеяльник. К стене над кроватью прибита полка, на ней – портативное стерео и две-три стопки компакт-дисков. Рядом телефон, восемнадцатидюймовый телевизор. Платяной шкаф, дверца с зеркалом. На полочке перед зеркалом – крем для губ и маленькая круглая щетка для волос. Дальше – раздвижные двери ванной. Почти единственное украшение в комнате – пять женских фотопортретов, выстроенные в ряд на полке. На каждом – она в одиночку. Ни семьи, ни друзей. Сплошь фотографии, на которых она позирует профессионально. Наверное, журнальные вырезки. Есть и маленькая книжная полка, но книг на ней – по пальцам перечесть, все больше учебники какого-то вуза. Плюс горка журналов мод. Читать книги хозяйка, похоже, не любит.

Наши глаза, словно воображаемая кинокамера, выхватывают кусочки историй, из которых постепенно слагаются картины чьих-то воспоминаний. Мы –

невидимые и безымянные нарушители границы. Мы наблюдаем, вслушиваемся, принохиваемся. Но физически в этой комнате не существуем и не оставляем ни малейших следов. Если угодно, мы следуем тем же правилам, что и любые благоразумные путешественники во времени. Наблюдаем, но не вмешиваемся. Хотя, прямо скажем, о личности Эри Асаи обстановка этой комнаты не сообщает почти ничего. Как будто вся ее частная жизнь заранее кем-то упрятана подальше от постороннего взгляда.

Электронные часы у подушки безмолвно отсчитывают точное время. Если что и меняется сейчас в этой комнате, то лишь цифры на экране. Чуткий взгляд ночного электропризрака. Зеленые цифры на жидком кристалле, беззаботно меняясь, ускользают от человеческих глаз. Время на часах – 11:59.

Наш взгляд-кинокамера, насмотревшись на детали, возвращается немного назад. Словно размышляя, куда бы двинуться дальше, на какое-то время застывает, охватив всю комнату целиком. Тревожная тишина. Но вот, словно вспомнив о чем-то, объектив вдруг снова сворачивает в угол, наводит фокус и медленно приближается к телевизору. К старенькому «Сони» с идеально прямыми углами. Его темный экран мертв, как обратная сторона Луны. Но камера словно чувствует что-то. Или скорее – призрак чего-то. Там, в экране, словно теплится жизнь. Повинуясь то ли своему чувству, то ли этому призраку, мы сливаемся с камерой и вглядываемся в экран.

Мы ждем. Затаив дыхание и обратившись в слух.

Цифры на часах слагаются в 00:00.

Треск электрических разрядов. Экран и впрямь оживает. Может, кто-то пробрался в комнату незамеченным и включил телевизор? А может, телевизор ставили на автозапись? Нет. Ни то, ни другое. Наш объектив шарит по задней панели, чтобы лишний раз убедиться: шнур телевизора выдернут из розетки. Этот ящик должен быть мертв. Погребенный в ночном безмолвии, он должен быть жестким и холодным, как Космос. По всем законам физики и логики.

Но ящик почему-то не мертв.

По экрану пробегает тонкий луч света, рассыпается, гаснет. Появляется снова. Тишину прогрызают радиопомехи. И тут на экране что-то появляется. Медленно

обретает форму... Перекосившись нелепым курсивом, изображение меркнет, словно задутая пламя свечи. И затем все повторяется с самого начала. Что-то изо всех сил пытается проступить на экране. Материализоваться по ту сторону стекла. Но изображения не получается, хоть тресни. Проклятая картинка пляшет так, словно антенну на крыше треплет тайфуном. Послание обрывается, так и не переданное; его измученные силуэты сдаются и отступают во тьму. Камера транслирует нам эту битву снова и снова, от начала и до конца.

Спящая, похоже, никаких перемен вокруг себя не замечает. На беззастенчивые вспышки и звуки телевизора – ноль внимания. Просто спит себе дальше в своем заданном совершенстве. Никому не под силу в эти минуты вызволить ее из пучины сна. Телевизор – еще один нарушитель границы. Разумеется, как и мы с вами. Но он, в отличие от нас, не бесшумный, не прозрачный. И далеко не сторонний наблюдатель. Вне всяких сомнений, он в эту комнату вторгается. Мы чувствуем, что это именно так.

Картинка на экране то вспыхнет, то снова исчезнет, но с каждым разом она держится все стабильнее. Мы различаем какой-то зал. Очень просторный. Что-то вроде конторы в деловом небоскребе. А может, аудитории в вузе. Огромные окна, люминесцентные лампы на потолке. Только мебели никакой. Впрочем, нет – если взглядеться, прямо в центре комнаты стоит одинокий стул. Старый деревянный стул со спинкой, без подлокотников. Простой и удобный во всех отношениях. На стуле кто-то сидит. Изображение все еще пляшет, и человек этот смотрится лишь абстрактным, бесформенным силуэтом. С экрана так и веет угрюмой стужей давно заброшенного помещения.

Телекамера, которая все это снимает, осторожно приближается к стулу. Судя по телосложению, сидящий на стуле – мужчина. Корпус слегка наклонен вперед. На ногах – кожаные туфли. Лица не видать. В целом, похоже, не очень высокий и довольно щуплый. Возраст неясен. Мы считываем с размытого изображения деталь за деталью, складываем по кусочкам нечто цельное, хотя картинка иногда еще пропадает, а гул телевизора переходит в свист. Но вот изображение полностью восстанавливается, звук выравнивается, помехи пропадают. Перебрав много способов, экран в конце настроили как полагается.

Нам ясно: прямо сейчас в этой комнате что-то случится. Да не что-нибудь, а событие огромной важности.

Тот же «Денниз». Заунывное «More» оркестра Мартина Дени еле слышно растекается между столиками. Посетителей куда меньше, чем полчаса назад. Разговоров тоже не слышно. Судя по звукам, ночь стала глубже вдвойне.

Мари, сидя за столиком, по-прежнему читает свой фолиант. Перед нею – тарелка с овощными сэндвичами, к которым она еле притронулась. Заказала явно не от голода, а чтобы еще как-нибудь убить проклятое время. Иногда, словно вспоминая о чем-то, девушка меняет положение тела. То пристроит локти на столик, то поерзает на стуле, усаживаясь поудобней. И при этом ни на секунду не отрывается от книги. Видно, умение сосредоточиться – ее главный жизненный капитал.

В заведении остаются одиночки. Кто печатает на ноутбуке. Кто перестреливается записками по мобильнику. А кто просто молча думает, глядя в ночь за окном. Наверное, не может заснуть. Или не хочет. Для такой породы людей семейные ресторанички – истинное пристанище.

В зал решительно входит крупная женщина – с таким видом, будто ей некогда ждать, когда откроются эти чертовы автоматические двери. Плотная, хотя и толстушкой не назовешь. Широкие плечи. Сразу видно – женщина крутого замеса. Черная вязаная шапочка до бровей. Большая кожаная куртка, оранжевые штаны. Руки пусты. Так энергична, что на нее оглядываются все посетители.

– Госпожа одна? – щебечет официантка, выбегая навстречу. Женщина отвечает ей убийственным молчанием. Цепким взглядом обшаривает зал. Видит Мари, вглядывается получше – и широким шагом направляется к ней. Поравнявшись с ее столиком, разворачивается и без единого слова усаживается на стул прямо напротив. Очень проворно и точно для своего крупного тела.

– Э-э... Можно вас на минуточку? – спрашивает она.

С трудом оторвавшись от книги, Мари поднимает голову. Видит перед собой большую незнакомую женщину, удивляется.

Женщина снимает вязаную шапочку. Волосы обесцвечены и коротко пострижены а-ля аккуратный газончик. Лицо открытое и потертое жизнью, точно старый заслуженный зонтик. Его левая половина не очень похожа на отражение правой. Но если взглядеться, в этом лице есть кое-что успокаивающее. Некая врожденная симпатия к окружающим.

Вместо приветствия женщина кривит рот в улыбке и чешет тяжелой ладонью ежик золотистых волос.

Подходит официантка со стаканом воды и меню, но женщина машет на нее руками:

- Да не! Я щас пойду, не надо... Извините, ага? Официантка вымученно улыбается и исчезает.

- Ты - Мари Асаи, верно?

- Да, но...

- Мне про тебя Такахаси сказал. Ну, что тебя тут найти можно...

- Такахаси?

- Тэцуя Такахаси. Длинный, волосатый, худой как щепка... На тромбоне играет.

Мари кивает:

- Ах, этот...

- Он говорит, ты по-китайски отлично болтаешь. Это правда?

- В повседневных беседах справляюсь, - отвечает Мари осторожно. - До «отличного» еще далеко.

- Тогда... Извини, конечно... Можешь пойти со мной? У меня там девчонка одна, китаянка... в переделку попала. По-японски ни в зуб ногой. Мне бы хоть

разобраться, что с ней на самом деле...

Все еще не понимая, что происходит, Мари вставляет между страниц закладку, закрывает книгу, отодвигает в сторону.

- В переделку?

- Ну, поранилась немного... Да тут близко! Пешком два шага, сразу вернешься. Ты бы просто перевела, что с ней. А уж я в долгу не останусь.

Мари задумывается на пару секунд, глядит еще раз на незнакомку. Решает, что, видимо, бояться нечего. Кладет книгу в сумку, натягивает джемпер. Тянется за счетом на столе, но женщина тоже протягивает руку:

- Я заплачу!

- Ну что вы. Это же мой заказ.

- Да брось ты, ей-богу... Давай сюда без разговоров! Обе встают. Сразу видно, что женщина – гораздо крупнее. Мари совсем хрупкая, а ее новая спутница сбита крепко, точно амбар для крестьянского инвентаря. Метр сто семьдесят пять, не меньше. Вздохнув, Мари отдает ей счет.

Они выходят из ресторанчика на улицу. Там все еще людно, несмотря на такой поздний час. Бренчит электронными ритмами игровой центр, вопят зазывалы у входа в караоке. Взреывают мотоциклы. Трое молодых парней сидят без дела на корточках у закрытых металлических жалюзи. Когда женщина с Мари приближаются, парни поднимают головы и молча провожают их любопытными взглядами. Видимо, находя в их парочке что-то комичное. Но вслух ничего не говорят. Просто смотрят. Жалюзи над ними густо расписаны разноцветной похабщиной из баллончиков.

- Меня Каору зовут, – сообщает женщина. – Не совсем, конечно, подходящее имя[2 - Именем Каору («благоухать» – яп.) часто называют героинь популярных японских кино- и телесериалов.]... Ну да ладно, назвали так при рождении, теперь уж ничего не попишешь.

- Очень приятно, - кивает Мари.

- Ты извини, конечно. Прибегаю, тащу тебя куда-то... Напугала небось?

Не представляя, что ответить, Мари молчит.

- Давай, я твою сумку понесу, - предлагает Каору. - Тяжелая вроде...

- Не стоит.

- Что у тебя там?

- Книги, форма, ну и вообще...

- Ты ведь не из дому убежала, правда?

- Вот еще, - отвечает Мари.

- Ну и слава богу.

Парочка шагает дальше. Оставляет позади веселые кварталы, сворачивает в узкий переулок и подымается вверх по склону. Каору торопится, Мари семенит за ней следом. Одолев темную пустынную лестницу, они попадают на следующую улочку. Как будто все кварталы в округе связаны между собой исключительно лестницами. У трех-четырех ночных баров вывески еще горят, но вокруг - ни единой живой души.

- Вон тот «рабухо»[З - «Love Hotel» («гостиница любви» - искаж. англ.) и как социальное явление, и как термин изобрели японцы в конце 1970-х гг. По-японски это произносится как «рабу-хотэру», а молодежью сокращается в сленговое «рабухо»]., - говорит Каору.

- «Рабухо»?

- «Лав-отель». Ну, для парочек... Секс-ночлежка, короче говоря. Видишь, неоновые буквы - «Альфавиль»? Нам туда.

Услышав это название, Мари вдруг смотрит Каору в лицо.

- «Альфавиль»?

- Да ты не бойся, место не страшное. Я там менеджером работаю.

- И там же – раненая девушка?

Каору на ходу оборачивается:

- Ага. Извини, что так запутанно...

- А Такахаси тоже здесь?

- Не, он не здесь. В соседнем доме, в подвале, репетирует до утра. Во жизнь у студентов! Сплошная лафа...

Парочка заходит в гостиницу «Альфавиль». Вестибюль оборудован так, чтобы посетители сами выбирали номер по фотографиям на стене, нажимали его на пульте и автоматически получали ключ. И сразу же на лифте поднимались в комнату. Ни с кем не нужно встречаться взглядами и о чем-либо говорить. Два режима оплаты: «за отдых» и «за ночлег». Тускло-голубоватый свет. Мари с удивлением озирается, Каору машет рукой консьержке за конторкой в дальнем углу.

- Небось ни разу в таких местах не бывала? – говорит Каору.

- Нет... Никогда.

- Ну что ж. Какого только бизнеса на свете не встретишь.

Они садятся в лифт, поднимаются на четвертый этаж. Проходят по коротенькому узкому коридору и останавливаются перед дверью с номером «404». Каору тихонько стучит, дверь приоткрывается. В щель с опаской выглядывает молодая девица с огненно-рыжей шевелюрой. Худая как щепка, бледная как стена. Безразмерная розовая майка, дырявые джинсы. Огромные кольца в ушах.

– А, Каору-сан... Ну слава богу! Где же вы ходите, заждались вас уже...

– Ну? Как она? – спрашивает Каору.

– Пока все так же.

– Кровь остановили?

– Да вроде. С грехом пополам. Все салфетки на тампоны извели...

Каору пропускает Мари в номер, закрывает дверь. Кроме рыжей девицы в комнате оказывается еще одна горничная. Миниатюрная, с черными волосами, собранными на затылке, драит шваброй пол. Каору знакомит девушек.

– Это Мари-сан. Ну, которая по-китайски говорит. А это Кашка. Странное имечко, но так уж предки называли... Давно у нас работает.

– Здравсьте! – улыбается Кашка.

– Очень приятно, – кивает Мари.

– А со шваброй – Букашка. Это уже кличка, правда. Но все ее только так и зовут.

– Пардон... Имя пришлось выкинуть на фиг. Так получилось, – говорит Букашка на грубоватом кансайском диалекте. Она старше Кашки на несколько лет.

– Добрый вечер, – кивает Мари.

Окон в номере нет, и атмосфера довольно казенная. Для такой крохотной комнаты и кровать, и телевизор кажутся непропорционально большими. В дальнему углу на полу, подтянув колени к горлу, лежит голая девушка. Кутаясь в банное полотенце, она прижимает ладони к лицу и беззвучно плачет. Вокруг разбросаны окровавленные салфетки. Простыни на кровати в бурых пятнах. Торшер у кровати опрокинут. На столике – початая бутылка пива. С одним стаканом. Телевизор включен. На экране какие-то комики кого-то веселят. Невидимая аудитория то и дело хохочет. Каору берет пульт и выключает

телевизор.

- Ох и здорово он ее... - говорит она.

- Кто? Ее мужчина? - уточняет Мари.

- Почти... Ее клиент то бишь.

- Значит, она проститутка?

- Ну да. А по улицам за полночь всякая дрянь так и шастает, - продолжает Каору. - Кого только не подцепишь! То жулик на деньги кинет, то извращенец всякую дрянь выполнять заставит...

Мари задумчиво покусывает губу:

- И что же, она только по-китайски разговаривает?

- На японском только пять-шесть слов понимает. А полицию вызывать нельзя. Как пить дать - нелегалка. Да и у нас с полицией объясняться, мягко скажем, времени нету...

Мари снимает с плеча сумку, ставит на столик, подходит к девушке на полу. Наклоняется над ней и, задержав дыхание, спрашивает по-китайски:

- Что с вами?

То ли оттого, что не слышит, то ли еще почему - девушка не отвечает. Только всхлипывает, содрогаясь всем телом.

Каору сочувственно качает головой:

- Это у нее шок. От боли. Ох, и намучилась, поди...

Мари снова обращается к девушке:

– Вы приехали из Китая?

Нет ответа.

– Не волнуйтесь, мы не из полиции...

Снова молчание.

– Вас избил мужчина?

Девушка наконец кивает: волна длинных черных волос едва заметно подрагивает.

Набравшись терпения, Мари продолжает, мягко повторяя вопросы по несколько раз. Каору, скрестив руки на груди, с тревогой ждет результатов. Кашка с Букашкой в четыре руки наводят порядок. Собирают окровавленные салфетки в мусорный мешок. Стаскивают с кровати грязные простыни, меняют полотенца в ванной. Подымают с пола торшер, уносят пивную бутылку. Проверяют комплектность вещей, прибирают в ванной. Видно, уже давно работают в паре: движения слаженные, ни секунды впустую.

Мари в углу все возится с пострадавшей. Слыша родную речь, та медленно приходит в себя. Хоть и обрывочно, начинает отвечать по-китайски. До ужаса тихим голосом. Наклонившись над нею, Мари внимательно прислушивается и кивает. Да изредка подбадривает какими-нибудь словами.

Каору легонько хлопает Мари по спине.

– Слушай, ты извини, но этот номер нужно сдавать новым клиентам. А девчонку мы сейчас отведем вниз, в подсобку. Пойдешь с нами?

– Да, но... Она же совсем раздета. Говорит, что все ее вещи тот мужчина забрал с собой. Вообще все – от босоножек до трусов.

Каору качает головой:

– Это чтобы в полицию не сразу доложили. Совсем гнилой оказался, подонок...

Она открывает шкаф, достает легкий банный халатик и передает Мари.

- Для начала пускай наденет вот это.

Немного оклемавшись, девушка с трудом поднимается, разматывает полотенце, остается совсем нагишом – и, покачиваясь из стороны в сторону, закутывается в халатик. Мари, вдруг смутившись, отводит глаза. Миниатюрное, очень красивое тело. Высокая, упругая грудь. Гладкая кожа. Легкая тень волос на лобке. С Мари китаянка примерно одного возраста. В ней еще осталась угловатость маленькой девочки. На ногах еле стоит. Каору обнимает ее за плечи, выводит из номера и увозит вниз на служебном лифте. Мари берет сумку и спускается следом. Кашка с Букашкой продолжают уборку.

Все трое заходят в подсобку отеля. Вдоль стены громоздятся картонные ящики. Железный письменный стол, простенькие диван и кофейный столик. На столе – плоский монитор и клавиатура компьютера. На стене – календарь с портретом какой-то поп-звезды и табло электронных часов. Переносной телевизор, мини-холодильник, на холодильнике – микроволновка. Троица в подсобке тесновато. Каору усаживает проститутку на диван. Зябко дрожа, та запахивает халатик до самого горла.

Подвинув к дивану торшер, Каору изучает раны на девчонкиной физиономии. Приносит аптечку, достает вату, спирт и аккуратно стирает запекшуюся кровь. Заклеивает раны пластырем. Гладит пальцем по переносице, проверяя, не сломан ли нос. Оттягивает веки, осматривает глазные сосуды. Ощупывает затылок – нет ли шишек. Похоже, давно уже наловчилась выполнять подобные процедуры. Наконец она достает из холодильника пластиковый пакет с какими-то замороженными овощами, обматывает его полотенцем и вручает китаянке.

- На вот. Прижми под глазами и держи, поняла?

Вспомнив, что девчонка не говорит по-японски, Каору показывает ей руками, куда прижать лед. Та кивает и делает как велено.

- Кровищи много, да все больше из носа, – говорит Каору. – Серьезных ран, слава богу, нет. Череп целый, нос вроде тоже не сломан. Губа и висок разбиты – но не

так страшно, чтоб зашивать. Фингалы под глазами останутся еще на пару недель. Только почернеют. Так что посидит без работы какое-то время...

Мари кивает.

- Мочалил он ее сильно, да неумело, - продолжает Каору. - Наотмашь, куда попало - небось все руки поотбивал. Даже стены проломил кое-где. Полный отморозок. Вообще не соображает, что творит...

Входит рыжая Кашка, достает что-то из картонного ящика у стены. Новые халаты для номера 404.

- Она говорит, мужчина забрал у нее все, - говорит Мари. - Сумку, деньги, мобильник...

- Значит, это был просто грабеж? - уточняет Кашка из угла.

- Нет. Не в этом смысле. Просто, э-э... У нее неожиданно месячные начались. Преждевременные. Это его и взбесило.

- А что поделаешь? - ворчит Кашка. - Тут уж если начнется, так всегда неожиданно.

Каору цокает языком:

- Ладно, хорош языком болтать! Готовь 404-й, да поживее.

- Слушаюсь... Извините, - буркает Кашка и уходит.

- В общем, все ясно, - резюмирует Каору. - Собрался мужик девку трахнуть, а из нее кровища потекла. Психанул он, избил девчонку до полусмерти, забрал все ее деньги с вещами и смылся. Клиника.

Мари кивает:

- Еще она просила прощения за испачканное белье...

– Ой, да это как раз ерунда! Мы привыкли. Не знаю почему, но у целой кучи девок месячные начинаются именно в «лав-отелях». Постоянно звонят из номеров: дайте тампонов, дайте прокладок. Так и хочется заорать: «Вам тут что, гинекология?!»... Ну да ладно. В общем, эту красавицу нужно во что-то одеть. Куда она такая пойдет?

Порывшись в шкафу, Каору достает пластиковый пакет с нижним бельем. Из тех, какими набивают автоматы с предметами первой необходимости.

– Дешевка одноразовая, даже не постирать... Ну, на первое время сгодится. С голой задницей ты и до завтра в себя не придешь.

Порывшись еще, она извлекает из ящика зеленый спортивный костюм и вручает китайке.

– Остались от девчонки, что раньше у нас работала. Стиранные, все в порядке. Можешь не возвращать. А из обуви – только шлепанцы резиновые. Ну да все лучше, чем босиком...

Мари объясняет все это проститутке. Каору открывает шкафчик на стене, вынимает оттуда несколько пакетов с прокладками.

– На вот, держи. Переоденешься вон там, в туалете. – Она показывает на дверь в углу. Китайка говорит по-японски «спасибо». И, прижимая вещи к груди, отправляется в туалет.

Каору садится за стол, медленно разминает шею, глубоко вздыхает:

– На такой работенке, как наша, чего только не случается...

– Еще она говорит, что в Японии уже два месяца, – добавляет Мари.

– Ну все равно ведь нелегалка?

– Об этом я не спрашивала... Судя по акценту, откуда-то с севера.

– Это где раньше Маньчжурия была?

- Наверное.

- Хм... - Каору задумывается. - Самое главное: придет ли кто-нибудь ее забрать?

- Похоже, кто-то за ней присматривает.

- Китайский клан, кто ж еще, - кивает Каору. - В этом районе все проститутки под их контролем. Перебрасывают девчонок парходами из Китая. Нелегально, в трюмах. А плату за провоз телом отрабатывать заставляют. Принимают заявки по телефону - и развозят по клиентам, как пиццу, на мотоциклах... К нам в «Альфавиль» так и шастают.

- Клан? Это вроде нашей якудза?

Каору качает головой:

- Ну уж нет. Я в свое время реслингом занималась. Даже по стране ездила... Из якудза пять-шесть ребят неплохо знаю. Наши якудза в сравнении с китайскими - просто дети. С этими никогда не знаешь, откуда что прилетит... А нашей красавице, кроме как обратно к ним, и возвращаться больше некуда. Особенно теперь.

- А ее не накажут? За то, что денег не принесла?

- Кто их знает... Все-таки работать с такой физиономией она не скоро сможет. А больше от нее никакого проку. Даром что красотка.

Проститутка возвращается из туалета. На ней застиранные зеленые штаны и футболка, на груди - эмблема фирмы «Адидас». На ногах - резиновые шлепанцы. Лицо в синяках, но волосы подобраны аккуратно. Несмотря на припухшие губы и ссадины, девушка по-прежнему очень мила.

- Тебе, наверное, телефон нужен? - спрашивает ее Каору.

- Хочешь поговорить по телефону? - переводит Мари на китайский.

– Да, спасибо... – отвечает проститутка по-японски.

Каору вручает девчонке белую трубку радиотелефона. Китайка набирает номер, тихо сообщает что-то в трубку на своем языке. Трубка орет на нее, захлебываясь словами. Девушка коротко отвечает и, отключившись, с угрюмым лицом возвращает трубку Каору.

– Большое спасибо! – И, повернувшись к Мари, говорит уже по-китайски: – За мной сейчас приедут...

Мари переводит:

– Говорит, за ней сейчас приедут.

Каору озабоченно хмурится:

– Но если так... Вообще-то номер до сих пор не оплачен. Обычно платит мужчина. Ищи его теперь! Даже за пиво, гад, не рассчитался...

– Хотите, чтоб заплатили те, кто за ней придет? – спрашивает Мари.

– Угу... – задумчиво кивает Каору. – Хорошо, если этим кончится.

Каору берет глиняный чайник, насыпает в него заварки, наливает из термоса кипятку. Разливает чай по чашкам, передает одну китайке. Та благодарит, берет чашку, пьет. Разбитыми губами пить горячее, похоже, непросто. Перед каждым глотком девчонка морщится от боли.

Прихлебывая чай, Каору смотрит на нее.

– Что, наелась по самое не хочу? – говорит ей Каору по-японски. – Уж не знаю, как ты там у себя дома жила. Но такого небось и в страшном сне не видала?

– Переводить? – уточняет Мари. Каору качает головой:

– Не надо. Это я так, сама с собой...

– Сколько тебе лет? – обращается к проститутке Мари.

– Девятнадцать.

– Мне тоже... Как тебя зовут?

– Го Дон-ли, – чуть замаявшись, отвечает девчонка.

– А меня – Мари!

Мари легонько улыбается китайке. Едва уловимо – и впервые за эту ночь.

Вход в гостиницу «Альфавиль». У крыльца останавливается мотоцикл. Здоровенная спортивная «хонда». За рулем – мужчина, лицо скрыто шлемом. Мотор не заглушен: если что – сорвался с места и поминай как звали. Куртка из черной кожи в обтяжку, синие джинсы. Тяжелые кроссовки, толстые перчатки.

Мужчина снимает шлем, ставит на бензобак, внимательно оглядывает окрестности. Снимает перчатку, достает из кармана мобильник. Набирает номер. На вид ему лет тридцать. Каштановые волосы убраны в хвост на затылке. Широкие скулы, впалые щеки, цепкие глаза. Перебросившись с кем-то парой слов, выключает мобильник, прячет в карман. Надевает перчатку, кладет руки на руль и замирает в ожидании.

Чуть погодя на крыльце появляются Каору, проститутка и Мари. Устало шлепая сандалиями по асфальту, проститутка бредет к мотоциклу. Сильно похолодало; в трикотажном костюмчике ее пробирает дрожь. Мотоциклист что-то спрашивает резким голосом, она еле слышно отвечает.

– Эй, братишка! – говорит Каору мотоциклисту. – У нее вообще-то за номер не плачено...

Мужчина пронзает Каору взглядом.

– За номер плачу не я, – говорит он без единой эмоции. – За номер платит мужчина.

– Это мы в курсе, – сипит Каору и откашливается. – Но ты сам подумай! Работаем на одной улице, нос к носу, в такой теснотище. И вот на тебе – из-за вашей красотки у нас бедлам. А могли ведь сразу в полицию сообщить – избиение человека все-таки! Кто бы тогда больше пострадал, мы или вы? Так что заплатите за номер шесть тыщ восемьсот иен[4 - Около 60 долларов США.] – и разойдемся! Пиво, так и быть, беру на себя...

Мужчина снова прошивает Каору взглядом. Поднимает голову, смотрит на неоновую вывеску отеля. «Альфавиль». Снимает перчатку, достает из кармана куртки кожаный бумажник, вынимает оттуда семь банкнот по тысяче иен и бросает себе под ноги. Ветра нет, деньги падают и замирают на асфальте. Мотоциклист надевает перчатку. Задирает локоть, глядит на часы. Медленно, точно робот. Он никуда не торопится. Он словно демонстрирует этим женщинам тяжесть своего бытия. И тратит на это столько времени, сколько считает нужным. Все это время двигатель, как хищник перед прыжком, низко рычит на холостых оборотах.

– А ты смелая, – говорит мужчина.

– Вот спасибочки, – отзывается Каору.

– Если позвонишь в полицию, где-то здесь случится пожар, – добавляет он.

Повисает глубокая пауза. Каору, сложив руки на груди, смотрит на мотоциклиста в упор. Проститутка с фингалами, не понимая, что происходит, переводит тревожный взгляд с Каору на китайца и обратно.

Наконец мужчина берет шлем, надевает его, жестом велит проститутке садиться. Та устраивается сзади, вцепляется в его кожаную куртку. Оборачивается, смотрит на Мари, переводит взгляд на Каору. И снова на Мари. Словно хочет что-то сказать, но так и не говорит. Водитель с силой жмет на педаль, отпускает сцепление – и мотоцикл скрывается за поворотом. Его натужный рев еще долго разносится над улицами в ночи. Каору наклоняется и собирает с земли тысячные банкноты. Складывает одну к одной, перегибает пополам, прячет в карман. И, глубоко вздохнув, теребит ладонью золотистый ежик на голове.

– Ну, блин, ващ-ще! – только и произносит она.

4 рт

Комната Эри Асаи.

Здесь все по-прежнему. Разве что фигура сидящего человека в телевизоре стала крупнее. Теперь он виден вполне отчетливо. Экран еще немного рябит, изображение дергается, кривится, теряет резкость. Помехи в динамиках царапают слух. На экран то и дело выскакивают другие, совершенно посторонние кадры. Но как только помехи пропадают, картинка возвращается.

Эри Асаи, как и раньше, крепко спит на кровати. По лицу пляшут блики холодного света от телеэкрана, но она не просыпается.

Человек на экране одет в темно-коричневый костюм. Когда-то элегантный, даже роскошный пиджак теперь похож на лохмотья. Рукава и спина перепачканы белесой пылью. На ногах – черные ботинки с круглыми носками. Тоже все в пыли. По каким трющобам этот человек ползал, прежде чем оказаться здесь? Стандартная белая сорочка, черный матовый галстук. И сорочка, и галстук давно полиняли. В волосах седина. Впрочем, нет, – возможно, все та же белая пыль. В любом случае ясно, что этих волос давно не касалась расческа. Но, как ни странно, человек не выглядит неряшливым. И жалкого впечатления не производит. Просто он отчего-то извалялся в пыли и дошел до крайней степени истощения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Салариман (яп. производное от псевдоангл. salary-man) – «человек на зарплате», клерк. – Здесь и далее – прим. переводчика.

2

Именем Каору («благоухать» – яп.) часто называют героинь популярных японских кино- и телесериалов.

3

«Love Hotel» («гостиница любви» – искаж. англ.) и как социальное явление, и как термин изобрели японцы в конце 1970-х гг. По-японски это произносится как «рабу-хотэру», а молодежью сокращается в сленговое «рабухо».

4

Около 60 долларов США.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/haruki-murakami/poslemrak>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)